В ту ночь мне приснился самый дикий сон о Шеннон.

Ладно, мои сны всегда были немного необычными. Вот почему я хотел заняться психологией и почему хотел поговорить с мистером Шелби. Во-первых, мне никогда не снятся кошмары, по крайней мере, ничего похожего на то, о чем говорят другие люди. Мне почти всегда снятся “от первого лица”. Это значит, что я как будто проживаю эти сны. В этом нет ничего необычного само по себе. Многие люди видят такие же сны. Что было необычно, так это то, что в этих снах я контролирую ситуацию. Не имело значения, что происходило. Если мне что-то не нравилось, это менялось. Летаете ли вы во снах? Я очень часто. Поэтому, естественно, я никогда не падаю с высоких зданий, в колодцы, со скал – ничего подобного. Я всегда являюсь самим собой, а не какой-то героической фигурой или чем-то в этом роде, но в своих снах я всегда был абсолютным хозяином. Вроде как Киану Ривз в роли Нео в “Матрице”, только по-другому. Иногда мне кажется, что я нахожусь в режиме невидимости, где я являюсь наблюдателем.

Я вижу себя в разных ситуациях и обстоятельствах. Или чаще я вижу места и ситуации, как будто смотрю их по телевизору, за исключением того, что я нахожусь в действии, я прохожу через двери или стены, если на то пошло. Я и наблюдаю, и действую. Что странно, так это то, что иногда я вижу в этом режиме вещи, которые я никогда раньше не видел и не испытывал. Сейчас я понимаю, что это очень необычно, но в то время я этого не знал. В ту ночь я наконец понял, что происходит на самом деле.

Ужин и остаток вечера прошли нормально. Как и ожидалось, мама и папа хотели знать, как все прошло. Опустив многие вещи, я пересказал свой день. Я рассказал им о своем расписании. Они были удивлены, что я занялся психологией, и это напомнило мне, что я тоже не рассказал об этом Марку. Я объяснил, что встретил мистера Шелби и пожал ему руку, и он был впечатлен моим отношением и открыл для меня место.

Мой отец был в восторге.

— Я все время говорю тебе, сынок. Хорошее рукопожатие - основа для сильного первого впечатления. Ты будешь удивлен, сколько дверей можно открыть таким образом.

Я уже решил, что ему не нужно знать о других дверях, которые, казалось, уже открылись. Я все еще краснею при одном воспоминании о прикосновении рук мисс Суонн. С тренером Дженкинс было по-другому, совсем не так, как со Сьюзен. Остаток вечера прошел довольно обыденно. Я принял душ и был в постели в 21:30.

Когла я лежал в постели и пытался расслабиться, мой разум взывал лучшие моменты моего дня в быстрой последовательности, включая прикосновение рук Сьюзен и темные точки, проступающие сквозь очень мокрую футболку Шеннон.

Следующее, что я осознал, это то, что я был в режиме “невидимого наблюдателя” в гараже Марка. Я смотрел на грудь Шеннон. Но это было не то же самое. Марка там не было. Я снова стоял и пялился, разинув рот, когда дверь открылась, как и раньше. Но на этот раз Карен не отправила Марка в магазин. Она объявила, что уходит. Затем она села в свою машину и

выехала задним ходом. Должно быть, она нажала на открыватель гаражной двери, когда отъезжала, потому что внезапно дверь опустилась, и в гараже стало темнее. Вскоре единственным источником света стало окно со стороны гаража.

— Итак, Джимми, тебе понравилось то, что ты увидел? — сказала Шеннон, глядя мне в глаза.

— Э-э, я ничего не видел, — пробормотал я.

— Ну тогда, может быть, тебе стоит посмотреть еще раз. — Затем она уронила полотенце. Я наблюдал, как мои глаза вылезли из орбит. — Так что ты теперь думаешь? — спросила она с улыбкой. Я потерял дар речи, мы оба. Этого не было в реальности. Затем все действительно потеряло связь с реальностью. Шеннон наклонилась, схватила нижнюю часть своей рубашки, стянула ее через голову и бросила на пол рядом с полотенцем. Если раньше я лишился дара речи, то теперь был совершенно ошеломлен. — Тебе они нравятся, Джимми? — спросила она, проводя руками по животу и обхватывая груди. Она сжала соски между пальцами и слегка вздрогнула. — О, Джимми, они холодные, не мог бы ты помочь мне их согреть? — Она взяла обе мои руки и положила их себе на грудь. Я чувствовал, как твердые соски вдавливаются в мои ладони. И они были холодными. Как я мог их чувствовать? Я никогда в жизни не щупал груди.

— Потри их, Джимми! Вот так. — И она продолжила двигать моими руками, как будто они были ее собственными. Ее глаза закрылись, и тихий стон удовольствия сорвался с ее губ. — О да, Джимми, вот так. — Она открыла глаза и посмотрела на меня. Двигая правой рукой, она приподняла мой подбородок так, чтобы я смотрел ей в глаза. — Ты никогда не делал этого раньше, не так ли? Прикасался к девушке? О, Джимми, я так рада, что я твоя первая. — Затем она придвинулась ближе и поцеловала меня.

В тот момент, когда ее губы коснулись моих, сцена закружилась, и внезапно я посмотрел на нее своими собственными глазами. Вид изменился. Я прошел путь от “невидимого наблюдателя” до первого лица. Я потерял равновесие всего на секунду, но быстро пришел в себя. Что, черт возьми, происходит? Как я могу видеть сон о поцелуе с полуголой Шеннон в ее гараже? Если это была фантазия, то откуда взялась основа? Я никогда раньше не фантазировал о Шеннон. Я всегда относился к ней скорее как ко второй сестре. И вот теперь я целовал ее. Я понятия не имел, что происходит и что с этим делать. И все только набирало обороты.

Без предупреждения я почувствовал, как она начала прижиматься языком к моим сомкнутым губам. Ладно, это было за гранью возможного. Французские поцелуи! Ни за что на свете у меня никогда не было девичьего языка во рту! Но это круто! Тут не поспоришь. Сначала я увидел испуганный взгляд в ее глазах, как будто случилось что-то, чего она не ожидала. Но потом она просто вздохнула и закрыла глаза. Так что я открыл свой рот, и мы просто как бы растворились в поцелуе. Вскоре наши языки просто танцевали и играли. Я провел языком по ее зубам за верхней губой. Она застонала и обвила руками мою шею, притягивая меня ближе. Я убрал руки с ее груди и провел ими вверх и вниз по ее спине. Я мог чувствовать нежную игру ее мышц, пока она двигалась, чтобы сохранить равновесие в новом положении. Тем временем она, казалось, пыталась дотянуться до моих миндалин. Я чувствовал, как в моих шортах нарастает неистовый стояк. Отстранившись, я переместил левую руку на ее правую грудь и нежно погладил ее, сжимая сосок и слегка оттягивая. Шеннон втянула воздух сквозь зубы и застонала громче. Она открыла глаза и посмотрела в мои. Я мог прочесть ее колебания, а затем она,

казалось, пришла к какому-то решению. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что это было, она сделала один глубокий вдох, а затем осторожно притянула мою голову вниз и прижала свою грудь к моим губам. Я был потерян. Понятия не имею, что делать. Может быть, это была генетическая память или реакция раннего детства; Я понятия не имею, откуда она взялась, но я нежно втянул ее сосок в рот и провел языком вокруг и вокруг, затем взад и вперед по твердому кончику. Шеннон внезапно ахнула, и по ее телу, казалось, пробежала дрожь.

— О Боже, Джимми! Сильнее, соси сильнее.

Что я мог сделать? Я сосал сильнее. Это было здорово! Лучше, чем мои самые смелые мечты. Но моя спина и шея начали болеть от неудобного положения. Я оторвался всего на секунду. Шеннон издала что-то вроде разочарованного скулежа, а затем поняла, что я делаю. Я попятился, осторожно потянув ее за собой, пока не прислонился к стиральной машине. Я поцеловал ее еще раз, затем раздвинул ноги и прижал ее к себе. Мои губы быстро нашли второй сосок и начали повторять процедуру, которую я провел с первым. Снова раздался резкий, судорожный вдох, но никакой дрожи.

Повинуясь порыву, я снова повернул руку и начал нежно поглаживать и сжимать другую грудь. Чтобы ей тоже досталось. Тут же ее дыхание ускорилось, она подняла руку и положила ее поверх моей. Я почувствовал, как ее голова откинулась назад, когда она направила мои пальцы, молча показывая мне именно то, чего она хотела. Через несколько секунд она убрала мои пальцы и сама сжала свой сосок. Она начала мягко, ритмично двигаться, подстраиваясь под действия моего языка с другой стороны. Ее тело начало слегка раскачиваться взад и вперед, пока она направляла мои пальцы. Я продолжал работать ртом с ее грудью. Откинувшись назад, она сильнее выкрутила сосок. Это также заставляло ее дыхание учащаться. Я начал вторить ее движениям своими губами, посасывая сильнее, когда она попыталась откинуться назад. Она застонала и убрала руки мне за голову, предоставив мне продолжать самостоятельно. Затем внезапно она прижалась к моему рту и несколько раз громко застонала, а затем тяжело вздохнула, когда небольшое землетрясение, казалось, сотрясло ее тело.

Затем внезапно все исчезло. Я не спал в своей постели, уставившись на выступы и тени фактурного потолка. Единственным свидетельством того, что осталось от сна, была сильная пульсация моего члена, который торчал из-под одеяла. Мое собственное дыхание было таким же прерывистым, как и ее, и я понял, что это было правдой и во сне.

Что, черт возьми, только что произошло? Это не могло быть моим сном. То, что я прочитал на эту тему, указывало на то, что сны должны иметь какую-то основу в реальности. Вы не могли делать во сне то, чего вы не делали или, по крайней мере, не испытали, по крайней мере, на периферии, в реальности. Летать? Нет проблем; я имею в виду, кто не видел этого в мультфильмах или в комиксах? Вы могли бы водить машину во сне, даже если никогда не водили ее в реальной жизни, потому что видели, как водят машину. Вы бывали в машине, которую вели, и ваш разум мог воссоздать ощущения движения, связанные с ней, но вы не могли бы восстановить двигатель или даже поменять стеклоочиститель, если бы на самом деле не знали, как это сделать. Так как же я мог сделать то, что только что сделал? Чувствовать все настолько осязаемым? Не то чтобы я вел уединенную жизнь, но я никогда в жизни не видел обнаженной груди. Нет, не так. Я видел свою мать грудным младенцем. Мамина грудь была

намного больше, чем у Шеннон. Можно было сказать, что форма была совершенно другой. Они были больше, округлее, полнее, и теперь мой разум заполнял пробелы из случайных воспоминаний за всю мою жизнь, ее соски были больше. Я видел, как они время от времени прижимались к внутренней стороне ее рубашки. Знаете, когда заходила летом в комнату с кондиционером, что-то в этом роде, и даже тогда она всегда была в лифчике под рубашкой. Папа не держал дома Плейбой или другие подобные журналы. Я даже не видел фотографий обнаженной груди. Тем более груди Шеннон. И ничто не могло объяснить ощущения прикосновений и вкуса, которые были во сне. Стоп, вкус? Нет, не вкус. Теперь, когда я подумал об этом, то почувствовал это во рту, но ничего такого я раньше не пробовал. Итак, эта часть соответствовала реальности, но как насчет остального?

Отвлечения от попыток взять себя в руки было достаточно, чтобы моя болезненная эрекция начала спадать. Я встал и поплелся в ванную, чтобы сбросить оставшееся давление, и когда заползал обратно в постель, меня осенило. Это не было моим сном! Этого не могло быть. Ощущения и переживания не вписывались ни в один сценарий, основанный на реальности. Так что это должно было означать...

Озарение!

В одной из тех редких вспышек человеческого озарения кусочки встали на свои места. Это был сон Шеннон! Каким-то образом я оказался захвачен сном Шеннон. Имело ли это смысл? Что ж, надо обдумать это. Марк был там сегодня днем, вот почему мы все промокли в первую очередь. Но если бы Шеннон собиралась приставать к лучшему другу своего брата, она бы точно не хотела, чтобы он был там. Так что его не было. Она также удачно убрала Карен из сна. Это очевидно. Я не думаю, что в реальной жизни Карен без колебаний оставила бы нас дома одних и побежала бы в магазин. Сколько времени это заняло? Не имело значения, время сна было субъективным. Шеннон могла оставлять ее в магазине столько, сколько хотела, независимо от того, сколько времени заняла поездка на самом деле. Но я был там. Как я мог контролировать свои действия в чужом сне?

Подумайте об этом. Сначала я этого не делал. Это была первая подсказка. Сначала я был просто наблюдателем. Я не мог взять себя в руки, пока она не поцеловала меня. Вот почему она выглядела испуганной! Она потеряла контроль надо мной. До этого момента это была ее фантазия. Вероятно, она фантазирует об этом не в первый раз. Очевидно, что это не совсем та фантазия, но основная сюжетная линия, вероятно, совершенствовалась сама по себе. Сцена в гараже была самой последней.

Как она узнала? Она не знала, но заметила разницу! Потому что поцелуй был другим? Должно быть, так оно и было. До этого она просто представляла, как я буду целовать ее, и это всегда было бы одно и то же, потому что она это выдумала. Но когда я начал действовать, все было по-другому. Это был мой поцелуй. Так зачем продолжать, когда она потеряла контроль? Она не стала продолжать. Мы стали. Я стал. Она провела меня через то, что хотела. Я получил новые ощущения из ее памяти? Имело ли это смысл? Ну, да, так оно и было. Шеннон знала бы, каково это, когда прикасаются к ее груди. Она уже делала это раньше. Могла ли она представить, каково это, когда их сосут? Может быть, оставим это на потом. Но она никак не могла представить, каково это будет на вкус! Все сходится! Все остальное она могла себе представить. Срань Господня!

http://erolate.com/book/2081/58337